

ebensolchen siedlungs- oder kulturge-schichtlichen Hintergrund haben wie in den oben angeführten Fällen.

Der Artikel von P. Slotte «Sjönamn vid en språkgräns» (S. 90—100) behandelt die finnischen Seennamen in einem zweisprachigen nördlichen Grenzgebiet (die Gemeinde Karleby und Kronoby). Dort leben seit Jahrhunderten schon Schweden und Finnen Seite an Seite. Natürlich haben die Kontakte zwischen diesen zwei Völ-

kern ihre Spuren auch in den Ortsnamen dieses Gebietes hinterlassen.

Die im Sammelband «Nimistöutkimus ja paikallishistoria» veröffentlichten Artikel sind von unterschiedlicher Länge und Gedrängtheit, doch sie alle berichten uns von den Forschungsrichtungen und Problemen, mit denen sich die Historiker und die Namenforscher Finnlands heutzutage befassen.

JAAK SIMM (Tallinn)

<https://doi.org/10.3176/lu.1979.1.08>

А. Н. Ракин, Лексика флоры коми языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1977.

20 февраля 1978 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита диссертации младшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР А. Н. Ракиным на тему «Лексика флоры коми языка». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат филологических наук С. В. Соколов (Ижевск).

В 1970-х годах в пермском языкознании растет интерес к проблемам словарного состава. Однако не изученной пока оставалась лексика флоры, которой посвящена диссертация А. Н. Ракина. Об актуальности ее темы свидетельствует богатство народной ботанической номенклатуры пермских языков, причем использование ее в ботанике и соседних с ней науках весьма разнообразно. В основу исследования легли преимущественно собранные автором во время летних диалектологических экспедиций 1973—1975 гг. материалы; само собою разумеется, что привлечены и все другие имеющиеся в литературе данные, начиная с первых лет прошлого столетия. Самому А. Н. Ракину удалось зафиксировать впервые свыше 100 лексических единиц (в целом же он собрал более 1500 названий).

Цель диссертации — обобщить различные гипотезы о происхождении того

или иного фитонима, дать новые этимологии, определить основные принципы номинации представителей дикорастущей травянистой и ягодной флоры, установить наиболее типичные структурные модели названий растений коми языка и проследить внутреннюю градацию в составе каждой из них, а также выявить случаи семантических и структурных изменений и степень причастности к этому процессу народной этимологии.

Диссертация (268 страниц машинописного текста) состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка сокращений и приложения, 82 страницы которого занимает «Словарь коми названий травянистых растений и ягод». В первой главе автор придерживается сравнительно-исторического метода исследования, во второй и третьей синхронно анализирует современное состояние системы названий растений коми языка.

Во введении (с. 2—12) среди других сведений речь идет и о том, что в словаре Ф. И. Видемана (F. J. Wiedemann, Syrjänisch-deutsches Wörterbuch, nebst einem Wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register, St. Petersburg 1880) имеется свыше трехсот названий растений, причем здесь впервые приводятся и их латинские соответствия, однако было бы полезно при этом привести сравнительные данные из «Зырянско-русского и русско-зырянского словаря», составленного П. И. Савванто-

вым (Санктпетербург 1850). Этот словарь был, по-видимому, использован и Ф. И. Видеманом. Но учитывая особый интерес и увлеченность последнего ботаникой (у него был свой богатый гербарий), а также то, что его эстонско-немецкий словарь (F. J. Wiedemann, *Ehstnisch-deutsches Wörterbuch*, St. Petersburg 1869) содержит богатое собрание ботанических названий, мы можем с полным правом присвоить честь первого собирателя и систематизатора коми ботанических названий именно этому ученому и лексикографу.

В вводной части следовало бы дать карту со схематическим указанием наречий коми языка, а также тех местностей, где собраны автором легшие в основу его исследования диалектные материалы. В работах такого типа для пользы дела следовало бы приводить и карты распространения тех или иных названий, в диссертации А. Н. Ракина они вообще отсутствуют. Автор отмечает, что в народном коми языке некоторые растения имеют свыше 20 наименований — в таких случаях картографирование было бы весьма полезно.

В первой главе «Происхождение коми названий травянистых растений и ягод» (с. 13—85) рассматриваются в алфавитном порядке 150 этимологий, связанных с названиями растений. Они составляют лишь незначительную часть коми наименований травянистой и ягодной флоры всего имевшегося в распоряжении автора материала. Отбирая для рассмотрения и анализа именно эти названия, А. Н. Ракин, по-видимому, имел в виду как уже известные этимологии, так и многообразные возможности и принципы наименования растений в целом.

В результате анализа выясняется, что исконные коми фитонимы образуют четыре слоя: 1) допермский, 2) общепермский, 3) общекоми, 4) фонд собственно коми. К ним примыкают различные заимствованные названия.

По традиции автор дробит допермский словарь на три подгруппы: уральские, финно-угорские и финно-пермские названия растений. К уральскому периоду относятся всего четыре слова: *льӧм* 'черемуха', *мырпом* 'морозка', *оз* 'земляника', *пув* 'брусника'. В последующие пе-

риоды количество названий все время увеличивается: к финно-угорским относятся семь названий, к финно-пермским, видимо, уже 10. Справедливо указание автора, что для древних фитонимов типична неясность внутренней формы, отсутствие точек опоры для объяснения логических, психологических и иных основ того или иного звукового комплекса термина. По своей структуре они представляют собой последовательно непроемные двусложные основы без словообразовательных формантов (с. 76). Под это определение автора, однако, не подходит полностью слово *мырпом*, которое с позиций современного коми языка является все-таки составным (*m̄ir* + *pot* 'конец; плод'), причем согласно данным родственных языков к названиям растений уральского языка-основы относится лишь его первая часть *мыр*.

При рассмотрении сложных слов и их сочетаний следовало бы, видимо, подвергнуть более детальному анализу их компоненты. Так, при анализе выражений *вӧв йӧн* 'чертополох поникший' и *вӧвкудз* (< **куз*) 'конский щавель' автор говорит об их общекоми и общепермском происхождении (с. 20—21), не обращая внимания на дополнительный компонент *вӧв*, связь которого с эст. *veis* (< *vedis*) не подлежит сомнению. На с. 76 А. Н. Ракин, по-видимому, фактически учитывает именно это обстоятельство, относя происхождение лексемы *вӧвкудз* к более раннему, финно-угорскому периоду. Но и это решение вопроса условно, так как вообще невозможно доказать, что сложное слово *вӧвкудз* появилось целиком уже в финно-пермский период, хотя его компонент *-кудз* возник действительно еще раньше, так как звуковые соответствия его встречаются почти во всех уральских языках (ср. фин. *kusi*, венг. *húgy*, селк. *küz* 'моча').

Если не принимать во внимание и другие обусловленные способом трактовки неточности, то словарные статьи следует признать удавшимися. Приведенные латинские соответствия позволяют установить место каждого названия в тематике растений, а поэтому исследование А. Н. Ракина представляет большой интерес для коми естествоведов.

Автор, отнесясь критически к уже имеющимся этимологиям, вносит в них свои коррективы, а также предлагает совершенно новые убедительные пояснения. В ряде случаев подчеркивается роль и значение народной этимологии, особенно в заимствованных терминах, например, *борис турун* 'борщевик сибирский', *пӧлудь син* 'василек', *ӧньӧ гум* 'бутень Прескотта' и т. д. При анализе диалектной лексики в связи с фитонимом *касмар* 'костяника' совершенно правильно указывается на связь основного компонента *мар* с пбф. *marja* 'ягода', что в аналогичной форме фиксируется и в удорском диалекте (*маръя тусь* 'поленика'). Среди коми названий растений устанавливается всего 5—6 словарных единиц, заимствованных из прибалтийско-финских языков. Из обско-угорских языков в коми язык проникло шесть названий растений, а из самодийских — четыре. Наиболее значительна группа русских заимствований, причем в периодической печати наблюдалось даже известное злоупотребление при использовании их в коми языке. Среди переводных заимствований некоторые имеют также заимствованный русский характер, например, *вундасян турун* 'резуха', букв. 'резучая трава'.

Отдельные коми названия растений перешли в соседние языки (хантыйский, мансийский, ненецкий, русский, осетинский) — всего 15 фитонимов.

Во второй главе «Основные принципы номинации травянистых растений и ягод в коми языке и народная этимология» (с. 86—130) А. Н. Ракин доказывает, основываясь на многообразных данных, что при наименовании учитывается целый ряд факторов: морфологические признаки растений, цвет, запах, способность издавать какой-либо звук или выделять сок, место произрастания, вкусовые и лекарственные свойства, применение в быту и в хозяйстве, а также суеверные представления людей. Из здесь анализ материала весьма детален. Так, морфологические признаки подразделяются на подгруппы с учетом специфики стебля (*сиртурун* 'вьюнок полевой', букв. 'смола-трава'), особенностей строения листьев (*пинь турун* 'тысячелистник', букв. 'зуб-трава'), особого характера опушения растений (*сотан турун* 'крапива', букв. 'жгучая трава') и т. д. Что

касается цвета, окраски, то среди названий растений преобладают прежде всего различные оттенки красного, черного, белого, желтого или синего (голубого) цвета. Любопытно, что среди наименований растений встречается и зеленый цвет — *веж гум* 'снить обыкновенная', букв. 'зеленый стебель'.

Несколько гипотетический характер носит приведенная автором цепь изменения значений по схеме: *пув* 'ягода' → *пув* 'ягода красного цвета с гладкой кожурой' → *пув* 'брусника'. Поскольку 'ягода' является общим понятием, обобщением (абстракцией), это понятие при сравнении с любым конкретным наименованием ягод имеет более позднее происхождение. При учете этих общепризнанных в науке фактов подобный переход значений вряд ли можно считать достоверным и приемлемым. Следует иметь в виду, что и такие слова, как *рыба* и *дерево* в момент своего появления являются не обобщениями, а названиями какой-либо конкретной рыбы или конкретного дерева. Само собою разумеется, что и *пув* (фин. *puola*, эст. *pohl*) вначале обозначало скорее бруснику, а не ягоду.

В конце второй главы было бы полезно представить в виде таблицы цифровые сводные данные относительно того, в какой мере в коми языке используются те или иные принципы номинации травянистых растений и ягод. Автор вскользь отмечает лишь, что идентичные семантические модели широко распространены в русском языке (с. 108), однако на основании цифровых данных можно было бы провести сопоставление с данными того же порядка в родственных с коми языках.

Третья глава «Морфологическая структура фитонимов коми языка» (с. 131—168) посвящена грамматическим вопросам. В ней рассматриваются составные и несоставные названия с распределением их на подгруппы. Как и следовало ожидать, самой маленькой по объему является подгруппа непронизводных названий, представленных в основном древними фитонимами и заимствованиями (*оз* 'земляника', *турун* 'трава' < и.-е. и др.). По линии словообразования впервые рассматриваются суффиксы *-лач*, *-идз* и *-йыл*. Можно согласить-

ся с автором в том, что эти суффиксы образовались из самостоятельных слов (как и *-лун*, *-тор*, *-ин*). Следует отметить, что *лач* в значении 'голубика' в отдельных говорах верхневыхегодского диалекта и в настоящее время еще употребляется иногда как самостоятельное слово. Указание автора о том, что именно многие названия ягод образуются с помощью уменьшительного суффикса, вполне применимо и по отношению к прибалтийско-финским языкам (ср. фин. *mansi-kka* 'земляника', *musti-kka* 'черника').

Составные названия травянистых растений и ягод включают в себя от двух до пяти компонентов, причем ими могут быть различные части речи — от имен существительных и прилагательных до имен числительных, причастий, послелогов и даже местоимений, например: *ас бобõнянь* 'клевер дикий' (*ас* 'свой' + *бобõнянь* 'клевер'). Чем больше компонентов в составном слове, тем меньше частотность данной производящей модели. Так, лишь одним примером иллюстрируется составное по образованию название, состоящее из пяти компонентов (*нюр выв гõггя рõз турун* 'подмаренник болотный' = 'болото' + 'поверхность' + 'пулочная' + 'подмаренник' + 'травя'). Наиболее часто составным компонентом является, видимо, слово *турун* 'травя'.

Приведенные в этой главе данные не

вызывают в целом возражений, однако и здесь неплохо было бы представить краткий статистический обзор частотности употребления отдельных морфологических типов названий, что облегчило бы в дальнейшем сравнение данных с примерами из других родственных языков и обеспечило бы большую достоверность выводам исследования.

Технически работа А. Н. Ракина выполнена вполне корректно и оставляет хорошее впечатление. При публикации ее, что рецензент считает весьма желательным, следует не только добавить упомянутые выше карты и таблицы, но и улучшить технически обозначение заглавий, а также ввести их в список использованной литературы.

В заключение следует отметить, что в солидной по объему работе А. Н. Ракина дается всестороннее и не вызывающее сомнений описание фитонимов коми языка. Автор прекрасно владеет материалом и исследовательской методикой; им высказано немало новых и интересных установок, которые следует учесть всем лексикологам пермских языков. Практическое значение этого исследования выходит за пределы лингвистики, так как в результате создания основ биологического словаря коми языка введенные в научный оборот данные могут быть использованы представителями других специальностей.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

Вопросы удмуртской диалектологии. Сборник статей и материалов, Ижевск 1977. 150 с.

Диалектология в финно-угорском языкознании по праву занимает одно из ведущих мест. Уже представители первых поколений лингвистов-финно-угроведов (Ф. И. Видеман, Т. П. Аминофф, Б. Мункачи, Ю. Вихманн) и этнографов-краеведов (Б. Г. Гаврилов, Г. Е. Верещагин, И. Н. Смирнов и другие) оставили богатейший материал почти по всем удмуртским диалектам. В последнее время ведется более глубокое и интенсивное изучение целого ряда диалектов и говоров удмуртского языка в республике и за ее пределами.

Рецензируемый сборник, посвящен-

ный вопросам удмуртской диалектологии, имеет особенное значение, поскольку изыскания диалектологов необходимы при исследовании как истории удмуртского языка, так и этнической истории народа. В сборник включено десять статей. В них на разных (фонетическом, морфологическом и лексическом) уровнях рассматриваются диалекты и говоры удмуртского языка (кыркмасский, средневожосточный, канлинский), даются этимологии отдельных слов периферийных говоров, термины родства, нашедшие отражение в современных словарях, освещаются некоторые вопросы удмуртской ономастики, приво-